

В. С. ВАРШАВСКИЙ

Незамеченное поколение

...Если Бергсон был прав в своем утверждении, что изобретательское и научное творчество были двинуты вперед мистическим вдохновением¹, то, конечно, никакого имманентного зла в технологическом прогрессе не может быть и причина современного кризиса не в самом этом прогрессе, а в том, что он не сопровождался соответствующей социально-нравственной реформой. В безмерно выросшем теле, — говорит Бергсон, — осталась прежняя душа, слишком маленькая, чтобы его наполнить, слишком слабая, чтобы им управлять. Отсюда все социальные, политические, международные затруднения. Чтобы разрешить кризис, необходимо моральное возрождение. Взросшее тело требует и роста души. Теперь механика «призывает» мистику.

Идеи, очень близкие в самом важном и последнем счете к идеям Бергсона о назначении науки и техники, задолго до Бергсона были развиты одним из самых оригинальных и плохо понятых русских мыслителей, Н. Ф. Федоровым, видевшим причину небратских отношений между людьми и всех происходящих отсюда зол в рабской зависимости человечества от неразумных и слепых стихийных сил природы. Последователь Федорова В. А. Кожевников дает краткую формулу предлагаемого Федоровым плана «регуляции» природы:

«Наше подчиненное, пассивное или же хищническое отношение к природе и ее слепое, роковое отношение к нам должны быть заменены сознательной и могущественной регуляцией ее сил всеобщим, совершенным знанием и волею совокупного человечества к высшей нравственной цели направленной. Обеспечение всем здорового, нравственного и счастливого существования, победа над голодом, стихийными погромами, болезнями и несовершенством человеческого организма, над его одряхлением и, наконец, над самой смертью — вот задача всечеловеческого дела. Только с ее осуществлением устранятся причины вражды и зла, восстано-

вится утраченная, единственная естественная основа нравственности, родственность, настанет мир всего мира и явится возможность жить не для себя лишь одного (эгоизм) и не для других только (альтруизм), а со всеми и для всех (братство, семья, собор)»².

В первой части «Общего дела»³ Федоров, говоря о великом значении открытия возможности вызывать дождь посредством взрывчатых веществ, спорит с архиепископом Амвросием Харьковским, призывавшим бояться «этой дерзости, которая хочет привлечь дождь пушечным выстрелом»:

«Не странно ли, что преосвященный Амвросий осуждает пушечные выстрелы в мнимое, а не действительное, вневмиренное, христианское небо. Уж не хочет ли он убедить профессоров (речь произнесена в университете) отказаться от Коперниканского и принять Птоломеевское мировоззрение?! Если на дуэли один, считая грехом стрелять вверх, направляет свой выстрел в противника, а другой выстрелит вверх, чей поступок будет угоднее Богу?..

Нельзя не заметить, что Господь, создав человека, заповедал ему обладать землею и всем, что на ней. Почему же отвести тучу с того места, где пролитый ею дождь будет благотворен, почему это преступно, почему это дерзость, даже будто бы поругание Господа?..

Наши же надежды не на возможность несколькими выстрелами или взрывами производить дождь, а на возможность посредством воздействий, производимых на обширных пространствах, управлять как влажными, так и сухими течениями воздуха, спастись не только от засух, но и от разрушительных ливней, это — такое дело, которое требует согласного действия армий всех народов»⁴.

Федоров не только не осуждал стремления к власти над природой, но даже видел в возможности такой власти «действительное доказательство бытия Божия и Божия Промысла, доказательство совершенно новое, не из созерцания только целесообразности в природе почерпаемое, но познаваемое из *осуществления* целесообразности в действительности, на самом деле»⁵.

Теперь уже никто не будет говорить «о противоградовой пальбе в тучи» как о действии «нечестивом». Вместо этого осуждают атомные изыскания, видя в них богоборческие прометеевские попытки проникнуть в последнюю тайну вещества, которой человек не должен знать. Но даже когда достижения научно-технического прогресса принимаются, это, по выражению С. Булгакова, только «практически-беспринципное приятие того, что идеологически рассматривается покуда как “чудеса Антихриста”»⁶. Неверие к науке осталось прежним, и вся сторона учения Федорова, касающаяся регуляции сил природы, для большинства религиозно-настроенных людей все еще неприемлема. Так, проф. В. В. Зеньков-

ский в своей «Истории русской философии» указывает, что тут у Федорова «подлинные христианские вдохновения неожиданно соединяются с мотивами натурализма и с чисто “просвещенской” верой в мощь науки и в творческие возможности человека»⁷.

Это соединение в одном мирозерцании двух вер, по представлениям обоих враждующих лагерей русской интеллигенции, несовместимых одна с другой, было настолько необычно, что Федоров по-настоящему никогда не был понят и критики его учения часто приходили к прямо противоположным выводам. Так, например, в то время, как проф. Г. Флоровский говорил об органической связанности Федорова со старым французским гуманизмом и утопизмом и о психологической близости его к Сен-Симону, Фурье, Леру и Огюсту Контю, Бердяев восклицает: «Я не знаю более характерного русского мыслителя, который должен казаться чуждым Западу»⁸.

Перед Федоровым преклонялись величайшие русские гении. Л. Толстой, посетив Федорова в первый раз, записал в дневнике: «Николай Федорович — святой. Каморка. Исполнять. Это само собой разумеется. Не хочет жалованья. Нет белья, нет постели». Позднее Толстой говорил о Федорове А. А. Шеншину (Фету) — «Я горжусь, что живу в одно время с подобным человеком». Достоевский, ознакомившись с изложением взглядов Федорова, писал: «Скажу, что, в сущности, я совершенно согласен с этими мыслями». Еще восторженнее было отношение В. Соловьева. Прочтя рукопись Федорова, он пишет ему:

«Глубокоуважаемый Николай Федорович, прочел я Вашу рукопись с жадностью и наслаждением духа, посвятив этому чтению всю ночь и часть утра, а следующие два дня много думал о прочитанном. Проект Ваш я принимаю безусловно и без всяких разговоров, поговорить же нужно не о самом проекте, а о некоторых теоретических его основаниях и предположениях, а также о первых практических шагах к его осуществлению... в конце недели нам нужно сойтись... Я очень много имею Вам сказать. Ваш проект есть первое движение вперед человеческого духа по пути Христову. Я, со своей стороны, могу только признать Вас своим учителем и отцом духовным».

От всего этого осталось у последующих поколений только уважение к святости жизни Федорова. Все же его идеи об управлении силами слепой природы обыкновенно рассматривались как непонятное чудачество, а если кем и принимались всерьез, то вызывали резкую критику, доходившую иногда до утверждения, что мировоззрение Федорова было вовсе не христианским, а своеобразной формой «позитивной религии» и человекобожия. Проф. В. В. Зеньковский, которого я уже цитировал, не разделяя столь резкого суждения, все-таки видел во всей этой части «Общего дела» чуж-

дую христианству «веру Просвещения в ценность и преображающую силу сознания, веру в человека как творца»⁹.

Таким образом, через двести лет после Ломоносова, говорившего, что «физики, математики, астрономы и прочие изъяснители божественных в природу влияющих действий суть то же, что в книге священного писания пророки, апостолы и церковные учителя»¹⁰, новая героическая попытка воссоединить две стороны христианского идеала была не понята и осуждена, и учение Федорова, даже в тех случаях, когда его наполовину принимали, подвергалось ампутации всего, что придавало ему его исключительное значение. Так, в каком-то фантастическом рассказе человек, попавший в страну циклопов, был ими принят только после того, как они выкололи ему один глаз.

Не уклонился ли я от темы? Индия, мысли Бергсона о машинизме и мистике, «Общее дело» Федорова — все это не имеет как будто никакого отношения к судьбе того эмигрантского поколения, о котором я пишу. Но это только так кажется.

Я уже говорил, что, по моему глубокому убеждению, современный кризис, грозящий привести человечество к еще небывалой и, может быть, окончательной катастрофе, является результатом великого и трагического недоразумения, случившегося, когда демократия и машинизм начали осуществляться как реакция против средневекового (в сущности, почти индусского) аскетизма и люди не поняли, что это вовсе не отрицание христианства, а только другая сторона христианского идеала Преображения мира. Судьба всей западной цивилизации, судьба человечества, не только земная, но и метафизическая, зависит от того, будет ли это, наконец, понято.

Но если это так, если это главный вопрос современности, то это касается всех людей и должно быть главным и для «эмигрантских сыновей», для них, может быть, даже больше, чем для всех, так как именно в России «великое недоразумение» привело к наиболее катастрофическим последствиям, и вопрос о том, будут ли творческие попытки младших эмигрантских поколений иметь какое-либо значение для будущего русской культуры, решится в зависимости от того, в какой степени они смогут усвоить и воссоединить то лучшее, что было достигнуто на каждом из тех двух как будто противоположных путей, которыми шла русская интеллигенция. Надежды, что это удастся сделать старшему поколению, уже не может быть. Мы видели, что «религиозная война» двух лагерей русской интеллигенции была полностью перенесена в эмиграцию и продолжалась здесь еще с большим ожесточением.

Правда, в разное время в разных эмигрантских кругах подымались разговоры о Федорове. Обычно это было связано с доходившими за границу сведениями о существовании тайных «федоров-

цев» и федоровских настроений в Советской России. Многие неясно чувствовали, что, может быть, именно в «Общем деле» Федорова была намечена та новая «соравная коммунизму» идея, которую искала эмиграция. Но только представители младшего поколения, свободные от мирозерцательных и партийных предрассудков «отцов», были способны, мне кажется, почувствовать и принять то непонятное «отцам» соединение в одном идеале христианства и просветительства, которое составляло самую сущность учения Федорова.

Говорили о Федорове и на Монпарнасе. Отголоски этих разговоров можно найти в интересных заметках Л. Кельберина в «Числах»¹¹ и В. Яновского в «Новом Граде»¹².

Главной теме Федорова и Бергсона, таинственному и трудному вопросу о взаимоотношениях мистики и машинизма, посвящен роман В. Яновского «Портативное бессмертие», появившийся перед самой войной в «Русских записках»¹³. <...>

